

Сузи К. Франк

СОЛОВЕЦКИЙ ТЕКСТ. Часть 1

Статья представляет собой попытку описания «соловецкого текста» русской литературы. Ее первая часть ставит вопрос о символической континуальности топоса с изменчивой исторической судьбой и, соответственно, с радикальной семантической перекодировкой из монастыря в ГУЛаг и предлагает опыт систематизации материала и обзора его эволюции от древней истории до середины XX в.

Ключевые слова: Соловки, Соловецкий монастырь, Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН), «соловецкий текст», символическая континуальность, эволюция локального текста.

Если исходить из того, что локальный гипертекст конституирован определенной топикой и базисным нарративом (*masterplot*), как это показал В.Н. Топоров в своем исследовании «Петербургского текста», и что он проецируется на другие города и регионы (например, Урал или Сибирь) самыми разнообразными способами, то «Соловецкий текст» не так-то легко поддается определению. В первую очередь возникает вопрос: как можно говорить о символической континуальности топоса с такой изменчивой исторической судьбой и, соответственно, с такой радикальной семантической перекодировкой из монастыря в ГУЛаг? И нужно ли, следовательно, дифференцировать разновидности соловецкого текста, обусловленные историей топоса и находящиеся в конкурентных отношениях? Далее я хотела бы предложить опыт подобного рода систематического описания – и при этом более детально остановиться на исторически наиболее поздних и для реконструкции «Соловецкого текста» особенно важных этапах¹.

Но для начала – короткий обзор истории Соловков, призванный обосновать тезис о стабильности политического и символического значения региона для истории России в целом.

¹ См. во второй части статьи в следующем номере журнала. *Примеч. ред.*

І. Центр на краю

Монастырь на одном из группы так называемых Соловецких островов, населенных с эпохи неолита, о чем свидетельствуют лабиринты, сохранившиеся на Заяцком острове, был одним из многочисленных русских монастырей, основанных в XV в. Однако в ходе русской истории он приобрел особое значение – не только по причине своего незащищенного местоположения на географически крайнем Русском Севере, но и в силу плотной и весьма специфической вовлеченности в главные события русской истории. Пунктирный обзор нескольких этапов многовековой истории Соловков может это подтвердить.

Уже в XV в., вскоре после того как монахи Савватий и Герман (выходец из Карелии), покинув монастырь на острове Валаам в поисках еще более уединенного необитаемого острова в Белом море, положили начало новой пустыни, между молодым монастырем и Новгородом, бывшим наряду с Москвой одним из важных центров раздробленной Руси, возникли тесные отношения. Зосима, истинный основатель монастыря, вступил в конфликт с новгородскими боярами по поводу рыбного промысла, предпринятого им с группой монахов. В конце концов монахи отвоевали право рыбной ловли; но русская имперская историография XIX в. интерпретирует этот конфликт как одно из ключевых событий в борьбе за власть между Новгородом и Москвой, закончившейся падением Новгорода и возвышением Москвы. Карамзин и Костомаров приводят легенду о приписываемом Зосиме пророчестве, предрекшем гибель боярыни Марфы Борецкой (Посадницы) и падение Новгорода [1–3]¹.

Когда в XVI в., а точнее в 1547 г., игуменом Соловецкого монастыря под именем Филиппа стал московский боярский сын Федор Колычев, человек с высоко развитым интеллектом, монастырь пережил поразительный не только духовный, но и хозяйственный расцвет. Именно при нем были возведены его главные соборы, собрана богатая библиотека. Сооружение обширной сети каналов на большом острове и возведение перемычки между ним и ближним островом Муксальма способствовали расцвету систематического хозяйственного использования островных земель. На остров были завезены домашние животные и началось разведение рогатого скота. В течение менее чем

¹ Об истории монастыря см. также: [4].

20 лет монастырь превратился в процветающий центр древнерусской культуры [5, 6].

В XVI в. начинается многовековая история и другого рода тесных взаимоотношений Соловков и центра: в период игуменства Филиппа Иван Грозный сослал на Соловки одного из своих главных сторонников и крупнейших ученых того времени, автора знаменитой книги «Домострой» протопопа Сильвестра, который, таким образом, стал одним из первых обитателей соловецкой монастырской тюрьмы, бывшей на Руси одной из первых тюрем такого рода¹. Сильвестр, критически относившийся к политике Грозного, нашел в Филиппе своего союзника. Несмотря на критический настрой против Ивана Грозного, в 1566 г. Филипп принял его предложение занять должность митрополита Московского. Однако в 1568 г. царь, которому Филипп отказал в благословении, предал его опричнине, с которой Филипп пытался бороться, и таким образом митрополит стал одной из самых знаменитых жертв опричников.

Сооружение монастырской стены, достигающей в высоту 8–11 метров, а в толщину 4–6, из камней размером до 5 метров, осуществленное в 1584–1594 гг. в качестве необходимой меры защиты от бурных событий XVII в., превратило монастырь в настоящую военную крепость. Позже в толще крепостной стены были устроены тюремные камеры, но в 1667–1676 гг. именно эта стена позволила монастырю выдержать девятилетнюю осаду царских войск, посланных для подавления сопротивления Соловецкого монастыря церковной реформе Никона и уничтожения этого главного оплота староверов. Когда же сопротивление соловецких монахов было наконец сломлено, весь прежний «гарнизон» монастыря был расформирован, а монастырь заселен новыми монахами. Поражение Соловков в открытом конфликте с Москвой ознаменовало конец независимости Русской православной церкви [8].

В XVIII в. новая внешняя политика Петра I сделала Соловки важным геополитическим и стратегическим пунктом обороны России от северо-западных врагов, в особенности шведов; кроме того, острова стали важным опорным пунктом морской экспансии Российской империи в западном направлении. Ср. хронику истории монастыря в XVIII в., в середине которого (1765) статус Соловков был поднят до уровня «ставропигиального монастыря», т.е., монастыря, подчинен-

¹ Несколько десятилетий спустя была основана подобная тюрьма и в Суздале. О Сильвестре см.: [7].

ного непосредственно Патриархату, а не местному церковному управлению, – таких в России было очень немного [9].

Это новое стратегическое значение Соловков приобрело неожиданную актуальность в XIX в., когда во время Крымской войны английские военно-морские силы вышли на Соловки через Карское море: это наступление было отбито монахами [10, 11]. Благодаря эффективности военных действий по защите монастыря авторитет Соловков невероятно вырос – и именно в символическом отношении – не в последнюю очередь и потому, что это стало единственной победой России в Крымской войне, о которой сегодня напоминают два обелиска в маленькой гавани. Вторая половина XIX в. ознаменована расцветом паломничества и туризма, стимулом которых стали не только религиозные, но и патриотические чувства¹.

На рубеже XIX–XX вв. монастырь пережил второй хозяйственный, духовный и культурный расцвет после игуменства Филиппа. Для многочисленных крестьян, которые переселились на острова после отмены крепостного права в 1861 г., Соловки стали тем местом, где они смогли образовать добровольно сложившееся коллективное хозяйство, и этот стимул способствовал росту продуктивности аграрного производства. Для многочисленных же паломников (верующих), туристов и патриотов острова стали притягательной целью – и духовного возвышения, и просто отдыха. Об этом свидетельствуют многочисленные репортажи известных авторов эпохи: Сергея Максимова, Василия Немировича-Данченко и Михаила Пришвина, а также картины художника Михаила Нестерова [13–16], фотографии Сергея Прокудина-Горского и почтовые открытки Якова Лейцингера [17], рассылка которых способствовала популяризации Соловков по всей стране. Показателем этого расцвета было и окончательное упразднение монастырской тюрьмы в 1903 г.

В следующий раз связь Соловков с центром русской власти проявилась другим образом в начале 1920-х гг. – и тогда был положен внезапный конец процветанию островов, и новая советская система превратила острова в своего рода эмбриональную клетку того принципа насилия, на котором она была основана. С учреждением Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН) Соловки стали опытной

¹ Ср. адресованную именно паломникам и туристам брошюру «Описание обороны Соловецкого монастыря», изданную в 1905 г. [12].

моделью системы ГУЛаг. Между 1923 и 1939 гг. в системе СЛОН числилось до 52 000 заключенных, которые принудительным способом были превращены в первых исполнителей грандиозного проекта индустриализации, модернизации и построения нового общества и в большинстве своем пали жертвами террора [18. С. 196–198]. Многочисленные высокоодаренные интеллектуалы из числа заключенных достигли отчасти обусловленных дисциплинарным режимом, но тем не менее выдающихся успехов в науке: краеведении, ихтиологии, изучении морской растительности (П. Флоренский) и истории русской иконописи (Анисимов и Лихачев) и мн. др. [19]. Многочисленные деятели искусства, оказавшиеся в ссылке на Соловках, осуществили в лагере ряд авангардистских начинаний: создание одного из последних авангардистских театров и ряд публикаций [20, 21], использованных в целях пропаганды Горьким, который посетил лагерь в 1929 г. (например, документальный фильм «Соловки», созданный в 1928 г.).

Как с очевидностью свидетельствует этот беглый обзор более чем 500-летней истории Соловков, между этим лиминальным топосом и центрами русской культуры и политической власти существовали непрерывные, хотя и очень разные по своей природе отношения. На основании этого факта представляется возможным обозначить семиотику духовного, культурного и политического потенциала Соловков как локального текста понятием «центр на краю». В качестве таковой Соловки по специфике своих исторически изменчивых отношений с реальным центром очень отличаются от других периферийных областей России, даже если эти последние, как, например, Сибирь, временами приобретали большое культурное или политическое значение. В течение столетий с Соловками были связаны судьбы ключевых фигур истории России. Начиная с XVI в. Соловки постоянно были оплотом отчуждения и инакомыслия. Временами острова становились средоточием ожесточенного противостояния политической власти центра, они постоянно были форпостом имперской экспансии и обороны, и далее – вновь экспериментальной моделью новой политической системы России.

Вопрос заключается в том, содержат ли литературно-публицистический соловецкий нарратив подтверждение этому тезису и если да, то какие именно разновидности литературно-символической концептуализации Соловков в этом нарративе можно найти?

II. Типология «Соловецкого текста» и исторические фазы его эволюции

Насколько мне видится в данный момент, как типы, так и исторические стадии формирования «Соловецкого текста» вполне очевидны.

1. **Колониальные тексты.** Первые жития и хроники XVI в. реализуют, как и следовало ожидать, стратегию освоения топоса посредством его христианизации и освящения в соответствующем нарративе символической и фактической колонизации и цивилизации. При этом доминирующая позиция принадлежит житиям основателей монастыря и игумена Филиппа¹.

Колониальный нарратив этой стадии впоследствии будет подхвачен историографией конца XIX в., описывающей историю монастыря в модернизированном ключе имперского историзма: монастырь как актер созидания империи (*empire-building*). Такова, например, точка зрения В. Ключевского [27], сосредоточившегося на колониальных стратегиях в описании истории возведения монастырского комплекса и хозяйственной деятельности монастыря, или Н. Костомарова, приводящего биографии Савватия и Зосимы в своей книге «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» (гл. 12) [3], где он описывает основание Соловецкого монастыря, несмотря на его крайнюю географическую отдаленность, не только как наиболее типичный случай учреждения монастыря в XIV–XV вв., но и как самый значимый прецедент для дальнейшей истории России².

¹ О ранней хронике см.: [22. С. 217–236; 23. С. 223–243; 24. С. 117–118; 25. С. 157–158; 26. С. 58].

² Далее Соловки упоминаются у Костомарова в гл. 18, посвященной биографии Сильвестра: «Собор осудил Сильвестра на заточение в Соловки. Он был взят из своей пустыни, отвезен туда на тяжелое заключение. Но положение его там не могло быть очень тяжелым: игуменом в Соловках был Филипп Колычев, впоследствии митрополит, человек, как оказывается, сходящийся в убеждениях с Сильвестром». В главе 20, посвященной Ивану IV, изложена биография Филиппа Колычева. Повествуя об истории погубления Филиппа Иваном Грозным, Костомаров сообщает, что царь не без труда нашел в Соловках нескольких церковных иерархов, готовых предать Филиппа: «В Соловки отправился за этим суздальский епископ Пафнутий с архимандритом Феодосием и князем Темкиным. Соловецкие иноки сначала давали только хорошие отзывы о Филиппе. Но Пафнутий соблазнил игумена Паисия обещанием епископского сана, если он станет свидетелем против митрополита. К Паисию присоединилось несколько старцев, склоненных угрозами. Пафнутий привез их к царю. Собрали собор. Первенствовал на нем из духовных Пимен новгородский: из угождения царю он заявил себя врагом Филиппа, не подозревая, что через два года и его постигнет та же участь, какую теперь готовил митрополиту» [3].

2. Провинциальный текст, или текст внутренней колонизации. Второй этап эволюции «Соловецкого текста» наступает в конце XIX (после нападения англичан во время Крымской войны) – начале XX в., когда постепенно закрывались соловецкие тюрьмы, бывшие в течение столетий одним из главных мест политической ссылки и заключения (1903), когда монастырское хозяйство достигло невиданного дотоле расцвета, а монастырь переживал массовый наплыв паломников и туристов, в том числе приезжающих на Соловки многочисленных художников и писателей.

Одним из самых существенных стимулов подогревания интереса к Соловкам как цели паломничества-путешествия стали очерки Сергея Максимова [13] и Василия Немировича-Данченко [14]. Особенно весомую лепту в валоризацию мифосимволики Соловков внес очерк Максимова, напоминающий об успешной защите монастыря от англичан во время Крымской войны.

В русле этой же традиции реалистического очерка написан и первый травелог Михаила Пришвина «В краю непуганых птиц» (1906), одна из глав которого посвящена Соловкам. Реалистическая манера предшественников получает у Пришвина свое продолжение и развитие в описаниях соловецкого житья-бытья, не чуждающихся упоминаний о недостатках, неприятностях и даже уродстве:

Дорогой друг! Я кончил свои письма. Пароход сейчас увезет меня с Соловецких островов, и через неделю я попаду в Лапландию, к кочующему народу.

Вы знаете меня, Вы не поймете мои письма как собрание анекдотов о монахах. Напротив, я все это Вам писал не для того, чтобы глумиться. Соловки, действительно, Святая земля... но... но... я верю в это лишь в то время, когда кормлю с богомольцами чаек. А как только прихожу в монастырскую келью и особенно в свой отдельный номерок, то сейчас же все исчезает. Хочу писать о чем-то высоком, а выходят анекдоты...

Нельзя ли их прочесть как-нибудь с другого конца... Попробуйте [15. С. 250].

Тексты этой эпохи конституируют путевой нарратив, рисующий Соловки, с одной стороны, как святое место, а с другой – как типичную глухую провинцию со всеми ее странностями, убожеством и даже дикостью, порожденной удалением от очагов цивилизации; во всяком случае, этот топос не нуждается в новой колонизации и не находится где-нибудь в чужих краях или вообще в потустороннем мире.

3. Советская эпоха 1930-х и следующих годов (это гипотетическое утверждение нуждается в дальнейших изысканиях) создала, как мне представляется, «Соловецкий текст» как своего рода **метонимию-синекдоху**, причем сразу в двух вариантах: как у идеологов советской системы, прежде всего у М. Горького («По союзу советов», а также в пропагандистском фильме «Соловки» – и то и другое в 1927 г.), так и в воспоминаниях сидельцев СЛОН (частично изданных уже в 1930-х гг.) лагерь представлен как модель общества в целом и, таким образом, выступает в качестве *pars pro toto* всего Советского Союза. (Поскольку свидетельства очевидцев очень многочисленны и кроме того, подлежат сравнению с воспоминаниями узников других отделений ГУЛага по всей стране, это положение следует квалифицировать как в высшей степени предварительное.)

Подобного рода свидетельства – это прежде всего:

- **Владимир Чернавин.** Записки вредителя (первоначально по-английски: *I speak for the silent. Prisoners of the Soviets*, 1935 [28]).

- **Сурен Ованесович Газарян.** Это не должно повториться, 1988 [29] (воспоминания написаны намного раньше, в 1964 г. впервые стали доступны читателю; в 1967 г. благодаря положительному отзыву Твардовского текст Газаряна был отмечен и как художественное произведение: жанровый подзаголовок записок Газаряна – «документальная повесть»).

- **Михаил Розанов.** Советский концлагерь в монастыре. 1922–1939. Факты – домыслы – «параши». Обзор воспоминаний соловчан соловчанами. 1979 [30]. Опубликовано под впечатлением от «Архипелага ГУЛаг» Солженицына, которого Розанов до некоторой степени критикует по поводу информации о Соловках, содержащейся в книге Солженицына, знавшего о Соловках только понаслышке. По-видимому, книга Солженицына стала для Розанова стимулом к публикации собственных воспоминаний.

- **Дмитрий Сергеевич Лихачев.** Воспоминания. После того как Лихачев подробно рассказал о своем пребывании в Соловецком лагере в первом документальном фильме Марины Голдовской о СЛОН «Власть соловецкая», в 1997 г. появились в печати его воспоминания [20].

«Архипелаг ГУЛаг» Солженицына, символически концептуализирующего Соловки одновременно в системе островной и медицински-раковой метафористики, может быть интерпретирован как исторический финал этой разновидности «Соловецкого текста» и парадигматический антоним тексту Горького.

4. В то же время «Архипелаг ГУЛag» является исходным интертекстуальным пунктом для возникающей позже, в позднесоветскую и постсоветскую эпоху, последней разновидности «Соловецкого текста», которую можно назвать **опытом национально-исторической типизации**. Это определение подразумевает взгляд на историю Соловков как на этапы формирования самоидентичного топоса, обладающего огромным символическим потенциалом в отношении ко всей России. Монастырская история и история лагеря более не воспринимаются как антитезы: они выступают как некая непрерывность, вариативный повтор одних и тех же констелляций, обладающих одним и тем же символическим значением.

Любопытно, что эта национально-историческая концептуализация происходила и происходит параллельно и отчасти даже в конкуренции с продвижением Соловков в международный список мирового культурного наследия ЮНЕСКО (1992).

Любопытно также, что четыре текста, на которых я хочу остановиться подробнее, «Поездка на острова» Юрия Нагибина (1986), «Соловецкие парадоксы» Юрия Бродского (1998), «Обитель» Захара Прилепина (2014) и «Авиатор» Евгения Водолазкина (2016) особенно очевидно наследуют концепцию Солженицына в одном пункте, а именно в антропологизации кода описания: первым следствием этого становится мощная тенденция к обобщению, которая, однако, у каждого из трех следующих за Солженицыным авторов обретает один и тот же национально-исторический поворот.

Бросим беглый взгляд на точку отсчета: текст Солженицына радикально обращает в негатив столь же радикальный идеал советского человека как героя – кузнеца ключей счастья, главной задачей которого является покорение природы. Начало посвященной Соловкам третьей части «Архипелага ГУЛag» описывает острова до прихода человека как райский уголок – поскольку везде, где возникает и развивается общество, главную роль начинают играть война и тюрьма. Мысль писателя поясняет цитата, введенная в открытый текст его повествования и становящаяся исходным пунктом новой концепции Соловков:

«В этой светлости как бы нет греха... Эта природа как бы еще не доразвилась до греха» – так ощутил Соловецкие острова Пришвин.

Без нас поднялись эти острова из моря, без нас налились двумястами рыбными озерами, без нас заселились глухарями, зайцами, оленями, а лисиц, волков и другого хищного зверя не было тут никогда. <...>

<...> никакое народное развитие еще никогда не шло, не идет и будет ли когда-либо идти? – без сопутствования мыслью военной и мыслью тюремной [31].

И далее автор иронически замечает:

Мысль военная. Нельзя же каким-то безрассудным монахам просто жить на просто острове. Остров – на границе Великой Империи и, стало быть, надо воевать ему со шведами, с датчанами, с англичанами, и, стало быть, надо строить крепость со стенами восьмиметровой толщины и воздвигнуть восемь башен, и бойницы проделать узкие, а с колокольни соборной обеспечить наблюдательный обзор.

Мысль тюремная. Как же это славно – на отдельном острове да стоят добрые каменные стены! Есть куда посадить важных преступников и охрану с кого спросить есть. Душу спасать мы им не мешаем, а узников нам постереги [31].

В изображении Солженицына человек предстает ошибкой природы, а человеческие деяния – принципиальной патологией. Соответственно, он описывает ГУЛаг как раковую опухоль, в которой Соловки являются центральным очагом поражения, откуда раковые метастазы распространяются на весь Советский Союз. С самого начала «Архипелага ГУЛаг» через весь текст книги Солженицын проводит этот тезис – человек как болезнь природы – в разветвленной системе метафор, которая замещает, с одной стороны, советскую технологическую метафористику, служившую образным средством воссоздания картины современности, особенно в описании мегапроектов в диапазоне от индустриальных гигантов до гигантской сети ГУЛаг, а с другой стороны, использует доминировавшую в 1930-е гг. органическую метафористику описания перверсии системы:

Архипелаг, родившийся и созревший на Соловках, начал свое злокачественное движение по стране. <...> А за радостным гулом шла бесшумная работа отправки этапов: из материнской соловецкой опухоли слали Пятьдесят Восьмую в далекие гиблые места открывать новые лагеря. <...> Архипелаг дает метастазы [31].

Перевод О.Б. Лебедевой

(Томский государственный университет)

Литература

1. *Карамзин Н.М.* История государства Российского: в 4 кн. / Репринт. воспр. изд. 1842–1844 гг., выпущ. в 3 кн. с прил. «Ключа» П.М. Строева. М.: Книга, 1989. Кн. 2, т. 6. 227 с. (Гл. 1). URL: http://rvb.ru/18vek/karamzin/4igr/toc_igr_kn2.htm
2. *Иконников В.* Борецкая, Марфа Ивановна // Русский биографический словарь: в 25 т. СПб., 1908. Т. 3. С. 214–221.
3. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. СПб., 1874. Вып. 2. 279 с. (Гл. 13). URL: <http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/kostom/kostlec.htm>
4. *Савич А.А.* Соловецкая вотчина XV–XVII вв.: опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем Русском Севере в древней Руси. Пермь: Изд-во Пермпромкомбината, 1927. 288 с.
5. *Федотов Г.* Святой Филипп, митрополит Московский. Париж: Ymca-Press, 1928. 224 с.
6. *Колобков В.А.* Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. Опричина Ивана Грозного. СПб.: Алетей, 2004. 639 с.
7. *Курукин И.В.* Жизнь и труды Сильвестра, наставника Ивана Грозного. М.: Квадрига, 2015. 192 с.
8. *Чумичева О.В.* Соловецкое восстание 1667–1676 годов. М.: ОГИ, 2009. 352 с.
9. История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря / коммент. Г.М. Зеленской, послесл. А.В. Лаушкина, В.П. Столярова. 4-е репр. изд. Пос. Соловецкий, Архангельская область: Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь, 2010. 360 с.
10. *Мельникова Л.В.* Оборона Соловецкого монастыря в годы Крымской войны: Военный и религиозный аспекты // Российская история. 2005. № 5. С. 165–182.
11. *Lambert Andrew D.* The Royal Navy's White Sea campaign of 1854 // *Naval Power and Expeditionary Wars: Peripheral Campaigns and New Theatres of Naval Warfare*. London, New York: Routledge, 2011. P. 29–44.
12. *Описание обороны Соловецкого монастыря 1854 г.* Архангельск, 1905. 44 с.
13. *Максимов С.В.* Год на Севере. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984. 605 с. (Гл. 5. Поездка в Соловецкий монастырь).
14. *Немирович-Данченко В.И.* На кладбищах: Воспоминания и впечатления / сост., примеч. Т.Ф. Прокопова; вступ. ст. В.Н. Хмары. М.: Русская книга, 2001. 542 с. («Соловки. Воспоминания и рассказы из поездки с богомольцами»).
15. *Пришвин М.П.* Соловецкий монастырь: (Письма к другу) // Собр. соч.: в 8 т. М., 1982. Т. 1. С. 233–250.
16. *Нестеров М.В.* О пережитом. 1862–1912 гг.: Воспоминания. М.: Молодая гвардия, 2006. 587 с. («На Соловках»).
17. *Lejtinger J.* Postkartensammlung des Solovecker Klosters. URL: <http://acmus.ru/collection/otkritki/index.php?page=4>
18. *Сошина А.А.* На Соловках против воли. Судьбы и сроки. 1923–1939. Соловки; Москва: Изд-во TCM, 2014. 231 с.
19. *Бродский Ю.А.* Соловки. Двадцать лет особого назначения. М.: РОССПЭН, 2002. 527 с.
20. *Лихачев Д.С.* Избранное. Воспоминания. СПб.: Logos, 1997. 559 с.
21. *Соловецкий театр (СОЛТЕАТР)* – главное показушное заведение СЛОНа. URL: http://www.solovki.ca/camp_20/theater.php

22. Тихомиров М.Н. Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. М., 1951. Т. 7. С. 217–236.
23. Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г. В.Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 223–243.
24. Тихомиров М.Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 184 с.
25. Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII вв. Л.: Наука, 1977. 223 с.
26. Буров В.А., Скопин В.В. О времени строительства крепости Соловецкого монастыря и ее зодчем монахе Тихоне // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: Города. Ансамбли. Зодчие. М., 1985. С. 58–70.
27. Ключевский В. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае. М., 1867. 37 с.
28. Tchernavin V. I speak for the silent: Prisoners of the Soviets. Norwood, Mass.: Plimpton Press, 1935. 390 p.
29. Газарян С.О. Это не должно повториться // Литературная Армения. 1988. № 6. С. 2–53. № 8. С. 2–49. № 9. С. 2–41. URL: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=11565>
30. Розанов М. Советский концлагерь в монастыре. 1922–1939. Факты – домыслы – «параша»: Обзор воспоминаний соловчан соловчанами: в 2 кн., 8 ч. Кн. 1. 293 с. URL: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=1118>
31. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. Ч. 3, гл. 2. Архипелаг возникает из моря. URL: <http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/gulag2.txt>

THE SOLOVKI TEXT. PART 1

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2017, 1(7), pp. 166–180. DOI: 10.17223/24099554/7/10

Susanne K. Frank, Humboldt University of Berlin (Berlin, Germany). E-mail: susanne.frank@staff.hu-berlin.de

Keywords: Solovki, Solovetsky monastery, Solovetsky Special Purpose Camp (SSPC), “Solovki text”, symbolic continuity, evolution of local text.

This paper is an attempt to describe the “Solovki text” of Russian literature. Its first part raises the question of the symbolic continuity of the topos with a changing historical destiny and, accordingly, with a radical semantic conversion from the monastery to the Gulag. It also focuses on systematising the material and reviewing its evolution from ancient history to the middle of the 20th century. The liminal topos of the Solovetsky Islands and the centers of Russian culture and political power had continuous, though various relations. Basing on this, it is possible to designate the semiotics of the spiritual, cultural and political potential of Solovki as a local text as “the centre on the edge.” The fates of key figures in Russian history were connected with the Solovki for centuries. Since the sixteenth century, Solovki have always been a stronghold of alienation and dissent. At times, the islands were the focus of a fierce confrontation with the central political power. They always were the outpost of imperial expansion and defense, and later an experimental model of Russia’s new political system. The following evolution stages can be singled in the “Solovki text”:

1. Colonial texts. The first hagiographies and chronicles of the 16th century realise the strategy of the topos development through its Christianisation and sanctification in the corresponding narrative of symbolic and actual colonisation and civilisation.

2. Provincial text, or the text of internal colonization. The second stage of the Solovky text evolution occurs in the late 19th century (after the British attack during the Crimean War) and in the early 20th century, with the gradual closing of the Solovki prisons, which used to be main places of political exile and imprisonment (1903) for centuries. It was also the time when the monastic economy flourished, and the monastery experienced a massive influx of pilgrims and tourists, including numerous artists and writers (S. Maksimov, V. Nemirovich-Danchenko, M. Prishvin).

3. The Soviet era created the “Solovki text” as a kind of metonymy, or synecdoche, in two versions simultaneously: both in the works of Soviet ideologists, primarily M. Gorky (“In the Soviet Union” and in the propaganda film “Solovki” (both in 1927)), and in the memoirs of the Solovki Prison Camp inmates, the camp was presented as a model of society as a whole, thus acting as a *pars pro toto* of the entire Soviet Union.

4. “The Gulag Archipelago” is the starting intertextual point for the later Soviet and Post-Soviet version of the Solovky text, which can be called the experience of national historical typification. This definition implies a view of the Solovki history as the stages of the formation of a self-identical topos with a huge symbolic potential for all Russia.

References

1. Karamzin, N.M. (1989) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo: v 4 kn.* [History of the Russian State: In 4 books]. Book 2(6). Moscow: Kniga. [Online] Available from: http://rvb.ru/18vek/karamzin/4igr/toc_igr_kn2.htm.
2. Ikonnikov, V. (1908) Boretskaya, Marfa Ivanovna [Marfa Boretskaya]. In: Polovtsov, A.A. (ed.) *Russkiy biograficheskiy slovar'*: v 25 t. [Russian Biographical Dictionary]. Vol. 3. St. Petersburg: Tip. Glavnogo Upravleniya Udelov. pp. 214–221.
3. Kostomarov, N.I. (1874) *Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneyshikh deyateley* [Russian history in the biographies of its most important figures]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich. [Online] Available from: <http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/kostom/kostlec.htm>.
4. Savich, A.A. (1927) *Solovetskaya votchina XV–XVII vv.: opyt izucheniya khozyaystva i sotsial'nykh otnosheniy na kraynem Russkom Severe v drevney Rusi* [Solovetsky patrimony of the 15th–17th centuries: The experience of studying the economy and social relations in the extreme Russian North in ancient Russia]. Perm: Permpromkombinat.
5. Fedotov, G. (1928) *Svyatoy Filipp, mitropolit Moskovskiy* [Saint Philip, Metropolitan of Moscow]. Paris: Ymca-Press.
6. Kolobkov, V.A. (2004) *Mitropolit Filipp i stanovlenie moskovskogo samodержaviya. Oprichnina Ivana Groznogo* [Metropolitan Philip and the formation of the Moscow autocracy. Oprichnina of Ivan the Terrible]. St. Petersburg: Aleteyya.
7. Kurukin, I.V. (2015) *Zhizn' i trudy Sil'vestra, nastavnika Ivana Groznogo* [The Life and Work of Sylvester, the tutor of Ivan the Terrible]. Moscow: Kvadriga.
8. Chumicheva, O.V. (2009) *Solovetskoe vosstanie 1667–1676 godov* [The Solovetsky uprising of 1667–1676]. Moscow: OGI.
9. Ioannicius Archimandrite. (2010) *Istoriya pervoklassnogo stavropigial'nogo Solovetskogo monastyrya* [The history of the first-class stauropegic Solovki monastery]. 4th ed. Solovetskiy, Arkhangelskaya Oblast: Spaso-Preobrazhensky Solovetsky Stauropegial Monastyr.
10. Melnikova, L.V. (2005) *Oborona Solovetskogo monastyrya v gody Krymskoy voyny: Voennyy i religioznyy aspekty* [Defense of the Solovetsky Monastery during the Crimean War: Military and Religious Aspects]. *Rossiyskaya istoriya*. 5. pp. 165–182.

11. Lambert, A.D. (2011) The Royal Navy's White Sea campaign of 1854. In: Elleman, B.E. & Paine, S.C.M. (eds) *Naval Power and Expeditionary Wars: Peripheral Campaigns and New Theatres of Naval Warfare*. London, New York: Routledge. pp. 29–44.
12. Anon. (1905) *Opisanie oborony Solovetskogo monastyrja 1854 g.* [The defense of the Solovetsky Monastery in 1854]. Arkhangelsk: S.M. Pavlov.
13. Maksimov, S.V. (1984) *God na Severe* [A Year in the North]. Arkhangelsk: Sev.-Zap. kn. izd-vo.
14. Nemirovich-Danchenko, V.I. (2001) *Na kladbishchakh. Vospominaniya i vpechatleniya* [In the cemeteries. Memories and impressions]. Moscow: Russkaya kniga.
15. Prishvin, M.P. (1982) *Sobranie sochineniy: V 8 t.* [Collected Works. In 8 vols]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 233–250.
16. Nesterov, M.V. (2006) *O perezhitom. 1862–1912 gg. Vospominaniya* [On the by-gones. 1862–1912]. Moscow: Molodaya gvardiya.
17. Leizinger, J. (n.d.) *Postkartensammlung des Solovecker Klosters* [Postcard collection of the Solovecker monastery]. [Online] Available from: <http://acmus.ru/collection/otkritki/index.php?page=4>.
18. Soshina, A.A. (2014) *Na Solovkakh protiv voli. Sud'by i sroki. 1923–1939* [On Solovki against the will. Fates and time. 1923–1939]. Solovki; Moscow: TSM.
19. Brodsky, Yu.A. (2002) *Solovki. Dvadsat' let osobogo naznacheniya* [Solovki. Twenty years of special purpose]. Moscow: ROSSPEN.
20. Likhachev, D.S. (1997) *Izbrannoe. Vospominaniya* [Selected works. Memories]. St. Petersburg: Logos.
21. The Solovki Encyclopedia. (n.d.) *Solovetskiy teatr (SOLTEATR) – glavnoe pokazushnoe zavedenie SLONa* [The Solovki Theater (SOLTEATR) – the main showpiece institution of the Solovki Prison Camp]. [Online] Available from: http://www.solovki.ca/camp_20/theater.php.
22. Tikhomirov, M.N. (1951) *Maloizvestnye letopisnye pamyatniki* [Unknown Chronicles]. *Istoricheskij arkhiv*. 7. pp. 217–236.
23. Koretsky, V.I. (1981) *Solovetskiy letopisets kontsa XVI v.* [Solovetsky chronicle of the end of the 16th century]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Letopisi i khroniki. 1980 g. V.N. Tatishchev i izuchenie russkogo letopisaniya* [Annals and Chronicles. 1980. V.N. Tatishchev and the study of Russian chronicle]. Moscow: Nauka. pp. 223–243.
24. Tikhomirov, M.N. (1962) *Kratkie zametki o letopisnykh proizvedeniyakh v rukopisnykh sobraniyakh Moskvy* [Brief notes on annals the manuscript collections in Moscow]. Moscow: USSR AS.
25. Kukushkina, M.V. (1997) *Monastyrskie biblioteki Russkogo Severa: Ocherki po istorii knizhnoy kul'tury XVI–XVII vv.* [Monastic libraries of the Russian North: Essays on the history of book culture of the 16th–17th centuries]. Leningrad: Nauka.
26. Burov, V.A. & Skopin, V.V. (1985) *O vremeni stroitel'stva kreposti Solovetskogo monastyrja i ee zodchem monakhe Tikhone* [On the time of building the Solovetsky monastery fortress and its architect monk Tikhone]. In: Vlasyuk, A.P. & Vygodov, V.P. (eds) *Pamyatniki russkoy arkhitektury i monumental'nogo iskusstva: Goroda. Ansambli. Zodchie* [Monuments of Russian architecture and monumental art: Cities. Ensembles. Architects]. Moscow: Nauka. pp. 58–70.
27. Klyuchevsky, V. (1867) *Khozyaystvennaya deyatel'nost' Solovetskogo monastyrja v Belomorskom krae* [Economic activities of the Solovetsky Monastery in the White Sea Territory]. Moscow: V Universitetskoy tipografii (Katkov i K°).
28. Tchernavin, V. (1935) *I speak for the silent: Prisoners of the Soviets*. Norwood, Mass.: Plimpton Press.

29. Gazaryan, S.O. (1988) Eto ne dolzhno povtorit'sya [This should not happen again]. *Literaturnaya Armeniya*. 6. pp. 2–53. [Online] Available from: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=11565>.

30. Rozanov, M. (1979) *Sovetskiy kontslager' v monastyre. 1922–1939. Fakty – domysly – “parashi”*. *Obzor vospominaniy solovchan solovchanami* [The Soviet concentration camp in the monastery. 1922–1939. Facts – speculation – gash-buckets. A review of memories of Solovki residents written by Solovki residents]. Book 1. [Online] Available from: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=1118>.

31. Solzhenitsyn, A.I. (n.d.) *Arhipelag Gulag* [The Gulag Archipelago]. [Online] Available from: <http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/gulag2.txt>.